

*Допущено к распространению
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р20-011-0310*

*Книга подготовлена при участии
журнала «Фома»*

Содержание

<i>Александр Евсюков</i>	
Один	7
Сука	8
<i>Олеся Николаева</i>	
Ничего страшного.....	11
<i>Геннадий Васильев</i>	
Рождественское утро	131
<i>Виктория Корхова</i>	
Рождественская лошадка.....	143
<i>Лариса Подистова</i>	
Плюшка	153
<i>Ольга Киселева</i>	
«Новый год к нам мчится...»	173
<i>Алексей Солоницын</i>	
Маленькой елочке холодно зимой	178
<i>Ксения Здашник</i>	
Некоммерческие птицы.....	192

<i>Владимир Гурболиков</i>	
Черепашка	196
<i>Ольга Миронова</i>	
Веста.....	198
Ворона	204
<i>Протоиерей Александр Авдюгин</i>	
Птица-малиновка и холодный вертеп....	210

Александр Евсюков

Один

Настоятеля вызвали на Большую землю, и послушник Артемий на две зимних недели остался в скиту совсем один. Вечерами казалось, что и на всем острове. Среди обледеневшего моря.

Связи не было. Бушевала метель. Каждое утро Артемий протапывал тропинку к поленнице, а чтобы добраться до отхожего места, каждый раз становился на лыжи.

— Голгофа — Берегу. Голгофа?.. — запрашивал Артемий без особой надежды.

Разбуженная рация раздраженно потрескивала. Ни звука в ответ.

Он обходил склады, топил пять печей и моллился. Никого, даже мышей, не слышно. Выглядывал в кромешное небо, с которого безудержно сыпал и сыпал снег.

«Для кого это все?» — настойчиво стучало в голове. Заученные молитвы не помогали.

«Господи, если ты правда меня слышишь?! Покажи мне хотя бы одну звезду. Всего одну. Если слышишь...»

Артемий подошел к двери, помедлил, как бы давая Господу еще немного времени, а потом рывком дернул дверь и впился взглядом в небо.

Оно осталось непроглядно черным, от края и до края. Никто его не слышал.

Артемий вернулся в комнату и завалился на кушетку, бессмысленно глядя в потолок.

Утром метель утихла. Он надел лыжи и впервые за эти дни двинулся дальше отхожего места. Пошел по берегу длинной губы, глядя на льды и снега. Вдруг заметил круглую полынью. Но пробивать проруби было некому. Он поспешно скатился к ней и, приблизившись, замер.

В единственной полынье, подо всем видимым небом, покачивалась огромная морская звезда.

Александр Евсюков

Сука

С утра зарядил было дождь. Потом опомнился, сменился снегом. Ночью у всех Новый год — это совсем доканывало.

Иван с тоской поглядел на грудку пустых бутылок на полу, на паутину в углах, на ее забытые босоножки в прихожей: одна — чуть стоптана на левую сторону.

Плотно прикрыл форточку. Крутанул горелки — газ тихо зашипел. Сел у окна, опустил голову на скрещенные запястья.

«Найдут дней через пять, после праздников... — мелькнуло, — нет, раньше — запах учуют».

Деньги на все, отсчитанные, лежали на комодке, так, чтобы сразу было видно. Не любил оставаться у кого-то в долгу.

Газ наполнял комнату. Веки набрякли, вид за окном помутнел.

Из двери соседнего дома прошмыгнула с мусорным ведром тетя Зося. Скажет потом: «Дурак, молодой еще...» Дверь она прикрыла неплотно — до помойки рукой подать.

И следом в оставшийся зазор сквозануло рыжее пятно. Иван чуть приподнял голову,

и вот — с длинной палкой колбасы наперевес из дома вылетела Броша.

Он вдруг особенно ярко вспомнил ее — последнюю из большого помета, крохотную и жалкую, из-за вечного голода готовую сметать соленые огурцы вперемешку со снегом. Ничью. Она выжила и даже прибилась к другим его соседям, но охотничья прыть никак ее не оставляла. Выжила.

И тут на всю улицу, так, что стекла задрожали, поднялся крик. Броша проскользнула под ногами у тети Зоси и понеслась дальше.

— Тварь! Сука!.. Новый год я справить хоте-ела!

Она бежала за собакой, но отставала на несколько шагов и все никак не могла ее догнать. И вот нога поехала на припорошенном льду, и тетка растянулась. Швырнула вдогонку пустое ведро, как гранату. Броша уклонилась, и ведро загрохотало по склону.

Иван, шатаясь, поднялся, сгреб с комода несколько купюр. Толкнул дверь и вышел.

— Мразь! Гадина! — не поднимаясь с обочины, рыдала тетя Зося.

Он дышал-дышал-дышал, его лицо на ходу оживало. Шагнул к Зосе, подал руку и, едва уняв это свое новое дыхание, спросил:

— Ну, сколько там твоя колбаса?..

Олеся Николаева

Ничего страшного

I

Дом этот достался мне чудом. Бог послал мне его множество лет назад по молитвам духовного моего отца игумена Ерма. Потому что, как только тот поселился в Свято-Троицком монастыре, он все время мне говорил: — Вам надо непременно купить здесь дом, чтобы не ютиться по чужим углам, а наслаждаться свободой.

Действительно, приезжая в Троицк, я каждый раз искала себе пристанища. Один раз ночевала даже в доме для бесноватых — такая покосившаяся, вросшая в землю избушка у самых стен монастыря. Бабка-хозяйка сдавала место для ночлега по рублю с носа, и бесноватые, приезжавшие на отчетку к отцу Игнатию, спали там в одной комнате на полу, на всякой ветоши вповалку. Ну и меня угораздило туда попроситься — время было позднее, зимнее, все дома в Троицке стояли запертые, без огня, мела метель, выли собаки, и луна, поистине невидимка, придавала округе что-то зловещее,

словно внушала мне: не приезжай больше сюда, пропадешь, погибнешь, не сносишь буйной головы, сорвут ветры злые с тебя твою черную шапку... И что было делать? Ткнулась я в эту избушку, дала трешку — хозяйка уступила мне свою горницу, за тонкой перегородкой от бесноватых я и перекапталась кое-как. Только страшно было ужасно — бесноватые выли, рычали, храпели, ворчали, бесы из них кричали на разные голоса...

Потом я стала останавливаться в единственной троицкой двухэтажной гостинице с единственным же рестораном. Там до полуночи играл оркестр, оглушая диковинными песнями — как ни сился не слышать, а все бьют тебе по мозгам затейливые словеса: «Эй-эй-эй, девчонка, где взяла такие ножки? Эй-эй-эй, девчонка, топай-топай по дорожке!» Или: «Куда же вы, девчонки, девчонки, девчонки, короткие юбочки, юбочки, юбочки?» Существо я впечатлительное и отзывчивое, поэтому все это записывалось у меня в мозгу и в самый неподходящий момент вдруг начинало там крутиться с магнитофонной скоростью. Пытаюсь ли заснуть, стою ли в очереди, еду ли ночью вдоль улицы темной, молюсь ли на литургии, а у меня в голове пульсирует: «Эй-эй-эй, девчонка, где взяла такие ножки?» Наконец приютила меня тайная монахиня Харитина: домик у нее крошечный, но тихий, чистенький и благочестивый. Мы с ней все время кафизмы читали

и вели духовные беседы за чаем. Но отец Ерм сказал:

— Все-таки надо вам иметь здесь собственный дом. Считайте, что такое вам благословение.

Но все дома в Троицке и даже в его окрестностях — в деревнях и на хуторах — были мне не по карману. Ну не сарай же покупать, в самом деле! Так что весьма долгое время ничего подходящего я отыскать не могла. Но отец Ерм считал, что я просто плохо ищу. Потому что ведь сказано: «ищите и обрящете». Я и продолжала искать, а он за меня молился. И вот однажды иеромонах Иустин, теперешний игумен, мне говорит:

— Я знаю, ты ищешь дом. Пойдем, посмотрим — я слышал, тут есть один такой подходящий домик. Я даже хотел купить его для своих родителей, но они уже старые и немощные. Вряд ли смогут в нем жить.

И мы пришли к большому дому на высокой горке, по склонам которой росли дивные фруктовые деревья и тянулось небольшое поле с цветущей картошкой. Встретила нас радостно крепкая, бодрая старуха:

— Я как раз Богородицу молила, чтобы послала мне хороших покупателей. А сегодня мне был сон: голос какой-то мне говорит — иди, встречай, пришли твои покупатели. Ну, так и принимайте хозяйство, а то мне надо домой, в Эстонию. А дом я получила в наследство и не могу уехать, пока его не пристрою.

Дом был великолепный, из белого камня, с округлыми углами, с мансардой. Строили его еще немцы. И я даже находила в нем потом брошюры о счастливой фашистской жизни: белокурая упитанная фрейлейн с улыбающимся немецким офицером нюхают общий цветок. И еще там содержалось множество полезных советов: как откатать утопленника, как вытащить из петли удушенника, как вывести садовых улиток и потравить крыс. Вокруг дома был, повторяю, огромный сад, фруктовые деревья и ягодные кусты — в каких-то промышленных количествах.

— Вот-вот, — подтвердила хозяйка, — бывший-то владелец, покойник, всю жизнь питался с этого сада. Много я с вас за него не запрошу — вижу, Богородица мне вас послала.

Выяснилось тем не менее, что она хочет семьдесят тысяч. По тем временам это была ровно тысяча долларов. Однако в права наследства она еще не вступила, поэтому деньги я должна была ей отдать через пять месяцев. А к тому времени они обесценились в два раза. Я предлагала ей тысячу долларов, как мы и договаривались, но она отказалась:

— Нет, семьдесят тысяч так семьдесят тысяч. А то Богородица мне не простит.

Так и стала я домовладелицей, а хозяйка укатила в свой Кохтла-Ярве. Потому что там у нее был пьющий сын, требующий присмотра, а другой, его брат-близнец, сидел в лагере за пьяную драку.

Как я любила, как обихаживала свой домик с садом! Отец Ерм его освятил, по четырем сторонам света начертал кресты, покропил святой водой, обошел по саду вокруг дома с иконой. Я ремонт в нем сделала, проводку поменяла, газовую плиту ему купила, лампы, книжные полки, письменный стол. Хотела даже второй этаж достроить: отодрать доски, которыми заколочены окна, вставить рамы, оббить вагонкой. Подрядила трех офицеров из военной части: они обещали регулярно подвозить мне, как генералу, стройматериалы и крепкую солдатскую рабочую силу. И удалось мне это, как ни странно, благодаря перегоревшим пробкам.

Они перегорели еще во времена «до плиты», а стояла зима, а в доме были мои дети, и без электричества мы были обречены если уж не на голодную смерть, то на сухой паек с ледяной колодезной водой. Я выскочила на улицу, чтобы позвать на помощь кого-нибудь из соседей, а там как раз вышагивали, зорко поглядывая по сторонам, три бравых офицерики, и, как выяснилось, шли они не просто так на праздную «побывку», а целенаправленно в поисках беленькой. А этой беленькой в ту пору у меня были большие запасы, поскольку только на нее и можно было в Троицке что-то раздобыть: такая здесь была и валюта, и такса. Видимо, вид у меня был такой искательный, что они спросили меня:

— Чего ищем?

Я отвечаю: